

Павел Палажченко

(Горбачев-Фонд)

«Консерватизм – одно из имеющих безусловное право на существование течений общественной мысли –нынешняя российская власть пытается сделать идеологией государства, идеологией всего общества.

Это, в конечном счете, обречено на провал»

Здесь говорили, и кажется все согласны, что «единого консерватизма нет». Но если вы возьмете американского консерватора из крайне правого крыла Республиканской партии и нашу так называемую элиту, то что касается культурных установок, культурного консерватизма и культурной реакционности – совпадение почти стопроцентное.

То же самое можно сказать и о европейских консерваторах, особенно крайне правых, типа французского народного фронта. В несколько меньшей степени – о так называемой Европейской народной партии (т.е. христианских демократах). У них это выражается в более мягкой форме, но и они ориентируется на социально-культурный, психологический консерватизм.

Так что у консерваторов есть общее – это ценностные ориентиры, которые не приемлют современное развитие. Поэтому говорить, что у консерватизма вообще нет какого-то субстрата, общей основы – я бы не стал.

Все консерваторы против аборт, все против однополых браков (за этим стоит, конечно, неприятие гомосексуализма вообще). Хотя, надо сказать, общественные настроения изменились настолько, что в Австрии даже крайне правая партия не могла не приветствовать победу «женщины с бородой», правда «сквозь зубы», поздравив не «Кончиту Вурст», а Томаса Нойвирта (по его настоящему имени).

В Европе любое явление существует в несколько смягченном виде. Но если вы возьмете Америку и Россию, то налицо «консервативное единство» американских крайне правых и нашей «элиты» в неприятии культурного прогресса, в неприятии изменений, которые происходят в обществе. Это – общее. Но есть и громадное различие.

Американский консерватизм – одно из существующих в обществе направлений, находящее в партийно-политической структуре, прежде всего в республиканской партии, иногда получающее перевес, но в целом уравновешивающееся другими направлениями, прежде всего «либеральным» (по американской терминологии, в действительности это скорее «прогрессистское» направление, близкое к социал-демократии). Более того, возможно, что в последнее время чаша весов склоняется скорее в пользу второго направления – тут и избрание президентом Обамы, и итоги выборов мэра Нью-Йорка. Борьба разных партий и течений, маятниковое движение политического процесса, ротация власти между консерваторами и прогрессистами – все это не позволяет ни тем, ни другим зайти слишком далеко. И совершенно невозможно представить себе навязывания одной «идеологии» сверху.

Совершенно иная картина в России. Консерватизм у нас сегодня навязывается сверху с ориентацией на самые дремучие инстинкты людей.

В этом смысле он другой, чем в США. Но общий социально-культурный субстрат неприятия модерна, новизны, культурных изменений, особенно быстрых – это общее.

Нужно это учитывать и не спешить с выводом, что «консерватизма как такового у нас нет». Все-таки есть, внутренний, даже «нутряной», психологический консерватизм существует. И он «работает».

О.М. Здравомыслова. Именно как психологический.

П.Р. Палажченко. А работает именно это.

О.М. Здравомыслова. Культурно-психологическая установка, но не оформившаяся идеология – вот в чем вопрос. А когда она превращается в идеологию, в политику – это уже совсем другая история.

П.Р. Палажченко. Представители «Единой России», которых я вижу в Совете Европы (на две сессии их лишили права голоса, но потом это, наверное, восстановится), это, конечно, не парламентарии в европейском смысле этого слова, они едут в Страсбург проинструктированными, и они там все говорят: наша партия «Единая Россия» - это социально-консервативная партия.

Это идет сверху – им так сказали, им лекции читают о русском консерватизме, им рассказывают даже про Константина Леонтьева и т.д., хотя они, конечно, ничего в этом понимают, им всем это до лампочки. Но их проинструктировали – «мы консерваторы».

Консерватизм – одно из имеющих безусловное право на существование, нужных течений общественной мысли – нынешняя российская власть пытается сделать идеологией государства, идеологией всего общества. Я думаю, что это, в конечном счете, обречено на провал. Но в это будут вгоняться колоссальные ресурсы, под это будет и дальше формироваться наше телевидение. И мы видим, что такое сейчас телевидение, насколько оно может влиять на людей. В результате, видимо, та возможная катастрофа, о которой говорил В. Л., будет тяжелее и острее, чем если бы консерватизм был просто одним из конкурирующих между собой ответов на запросы общества.

Запрос общества, значительной части общества на консерватизм, патриотизм, традиционные ценности, на мой взгляд, безусловно, есть. Если бы этот запрос удовлетворялся в нормальных, хотя бы в квазидемократических рамках, то это было бы одно. Но он удовлетворяется путем декларированной государственной политики, в которую, повторяю, уже вкладываются огромные ресурсы.

Мне кажется, что об этом надо говорить. Здесь говорили, что этот проект «виртуальный», что он обречен, что он «постмодернистский», импровизационный. Все это, может быть, и так. Но, во-первых, сейчас вся политика власти импровизационная (хотя, надо сказать, импровизируют только в одном направлении). А во-вторых, все-таки, как мне кажется, этот курс ощущается властью именно как стратегия, как проект, как сверхзадача и в этом, по-моему, большая опасность того, что происходит. Потому что в России, мы знаем из нашей истории, если государство начинает вкладывать свои ресурсы, свою энергию, свою власть, свою жесткость, в отдельных случаях свою жестокость во что-то, то это происходит.

Поэтому я бы не отбрасывал это как чисто виртуальное дело, как чисто постмодернистскую «ерунду». Потому что, на мой взгляд, это серьезно.

Власть этого хочет. В конечном счете, она этого не добьется. Но по ходу дела будет очень многое сделано и разрушено, порушено, разломано. И возникает вопрос, о котором в самом начале говорил Шейнис: что все-таки в этих условиях делать тем, кто с этим не согласен, кто ощущает это как потенциальную большую беду.

И здесь я согласен с теми, кто говорил, что надо вернуться к формированию каких-то идеологических основ для будущих нормальных политических партий, в том числе, безусловно, я думаю, социал-демократической. Неудачи прежних попыток не должны обескураживать, потому что, конечно, такая идеология нужна. И, конечно, нужно, чтобы нормальные люди создавали основу и для будущей российской консервативной партии, как бы она ни называлась.

Мне кажется, что возвращаться надо к этому – к поиску этих идеологических основ и поиску тех механизмов, которые после краха этого проекта, который, по-моему, произойдет, могли бы придать этим идеологиям уже политическую и партийную форму. Потому что, в конечном счете, никуда мы от этого не денемся. Во всех странах существуют две-три-пять политических партий, на которые в обществе есть запросы, интеллектуальные ресурсы и возможности и которые формируют устремления людей в виде политических проектов и политических партий.